

Нежить

(всегда читать как оглаголенную нежность)

У насъ не было никого и ничего, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человечества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло... Вмѣсто этого, былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Действующие лица

Конспиролог: Тут есть ошибка. Действующее лицо называется действующим потому, что оно действует. В нашем мире действие как таковое невозможно. Что есть действие? Действие — это трансформирующее влияние на мир. Но наш мир, мир мертвых, мир вечной стагнации, мир, где все всегда было так, как оно есть сейчас. Новые жители не рождаются, старые не умирают. В нашем мире нет времени, а значит - мы не помним прошлого, каждое событие дня кажется нам уникальным и новым, мы ничему у самих себя не учимся. В нашем мире нет времени, а значит - у нас нет будущего. Вечное, желеино растекшееся ничто, это мы, это наши города. С наших потолков свисают поганки, стены покрыты влажным мхом.

В основе нашего мира три сферы:

1. Светящаяся сфера под нашими ногами
2. Туманная сфера между светящейся и земляной
3. Земляная сфера над нашими головами

Мы вечно шагаем в туманном свете, а глядя наверх видим влажную черную землю, в которой блестит мицелий, копошатся черви и торчат корни.

Каждый из нас замер в одном из процессов:

1. Самопереваривание
2. Окоченение или «*Rigor mortis*» *
3. Зловоние
4. Разбухание
5. Исушение
6. Обескоживание

* лат. – трупное окоченение

7. Обесчеловечивание

Мы ходим медленно, скидывая лоскуты плоти, выплевывая зубы и языки, прожевывая дыры в щеках. Мы не едим, не дышим, не танцуем, не любим - нам незачем.

Конспиролог: Ну ладно, пора закончить экспозицию, я сейчас стану персонажем, а про то, что был рассказчиком, забуду. Хотя и в этом есть ошибка. Персона (ж) способен к движению, развитию, эволюции или деградации. Никто из тех, о ком вы будете читать этими качествами не обладает. Гомеостаз энтропии. Никто, истинно говорю вам, никто.

Как-то мне было видение, мне было пророчество?

Хм. Не знаю, что это было. Но вот там была персона! Вот про нее почитайте лучше, конечно, не кукситесь, не горюйте.

Видение, бывшее конспирологу, или пророчество, или что это было.

Звали его Дахас. Дахас Схирт. Он был обесчеловеченный, кости белели на бедрах, глазные яблоки выпали уже, а вместо носа зияла дыра.

Он, как и мы, не знал ничего, кроме боли, страданий и смерти.

Однажды исчез он. И было мне видение, что он выходит за пределы нашего мира, над головой у него белое и синее, под ногами трава, а кругом все зеленое, мягкое, нежное, жужжит все, дышит и смеется природа.

Идет он по тропе и видит, работают люди в поле, крепкие, мускулистые, полные: кто косит, кто снопы собирает.

Спросил он у людей: Откуда в вас силы на столь тяжкий труд?

Люди ответили ему: Мы здоровы, мы полны сил.

Так узнал Дахас Схирт, что есть здоровье и силы, и энергия.

Идет дальше Дахас Схирт и видит: возлюбленные, целуют друг друга в тени деревьев, трепещут ресницы их и щурятся глаза в улыбке.

Спросил он у возлюбленных: Отчего на лицах ваших ни тени несчастья?

Возлюбленные ответили ему: Мы наслаждаемся сейчас, нам хорошо, в блаженстве мы.

Так узнал Дахас Схирт, что есть наслаждение, блаженство и любовь.

Идет дальше Дахас Схирт и видит зеркало, а в зеркале он – кости обрасли плотью, мышцами, кожей, потекла по телу кровь, покраснели уши немного, нос на месте, глаза зеленоватые, волосы на голове, руки крепкие, тело подтянутое.

И спросил Дахас Схирт у себя: Что вернуло плоть мне?

И ответил Дахас Схирт себе: Дыхание жизни.

Так узнал Дахас Схирт, что есть жизнь. Вдохнул как можно глубже и сам себе улыбнулся.

В наши края он больше не возвращался.

Конспиролог: Не верят мне, когда я это рассказываю. Я каждый день все равно рассказываю, ведь никто не помнит вчерашнего дня. Есть тут одна кукуточка, я рядом с ней в храме лоб расшибаю каждый день. Стала в последнее время живот свой гладить, а я за ней проследил, дошел до дома, она там в кровати лежит, платье задрала и живот гладит, а живот – то кругленький, соченький, как будто не мертвыш там, а сами понимаете что... Не? Не понимаете?

Дочь: Плод в моем теле стучит

Мать: Должно быть цикада поселилась в его маленьком сердечке...

Дочь: Во мне не живут насекомые, я пустая

Мать: Должно быть цикада поселилась в его маленьком сердечке, разродилась личинками...

Дочь: Во мне не живут насекомые, я пустая, опарыши не копошатся в моей печени...

Мать: Должно быть цикада поселилась в его маленьком сердечке, разродилась личинками, они расплозились тунелями и высосали из него все трупные соки,

Дочь: Во мне не живут насекомые, я пустая, опарыши не копошатся в моей печени, слепни не садятся на мои глазные яблоки

Мать: Должно быть цикада поселилась в его маленьком сердечке, разродилась личинками, они расплозились тунелями и высосали из сердечка все трупные соки, сердечко теперь сухое как осенние листья, аминь,

Дочь: Во мне не живут насекомые, я пустая, опарыши не копошатся в моей печени, слепни не садятся на мои глазные яблоки, пчелы не вьют ульев в моих легких,

Мать: Должно быть цикада поселилась в его маленьком сердечке, разродилась личинками, они расплозились тунелями и высосали из сердечка все трупные соки, сердечко теперь сухое как осенние листья, аминь, а цикада, глядя на своих сытых малышей,

Дочь: Во мне не живут насекомые, я пустая, опарыши не копошатся в моей печени, слепни не садятся на мои глазные яблоки, пчелы не вьют ульев в моих легких, паучиха не тклет серебряных нитей в моей глотке

Мать: А цикада, глядя на своих сытых малышей, радостно застучала ножками и ты услышала, аминь, и приняла стук за стук плода

Дочь: Нет. Это плод в моем теле стучит. Она в моем чреве сердцебиет.

Мать: Она? Это дочь?

Дочь: Это дочь.

Мать: Это дочь. А ты мать.

Мать: А я мать.

Мать: В тебе не может быть жизни. Ты делала что-то живое?

Мать: Я не способна на жизнь, как и ты.

Мать: Может ты танцевала, может рука ненароком стала плавнее, и по телу твоему прошел импульс?

Мать: Нет, я двигаюсь угловато, как и ты.

Мать: Может, ты съела что-то? В нефтежиже иногда бывают мальки, икринки, может, ты ненароком, купаясь, проглотила...

Мать: (перебивает Мать) Нет, я не купальщица, как и ты.

Мать: Скажи, ты с упорством бьешься лбом о храмовый пол, когда себя отпеваешь?

Мать: Я отпеваю себя каждый день, как и ты, я бьюсь лбом о каменный пол, усыпанный щебнем, каждый день, как и ты, и ты видишь, на моем лице отпечатки камней.

Мать: Вижу.

Мать: Причин нет, плод в моем теле стучит.

Мать: Причин мы не знаем, но я уверена, что это временно, ничто в нашем мире неспособно удержать жизнь надолго. Скоро это прекратится.

Мать лежит на кровати, задрав платье на грудь, она гладит живот, чувствует его тепло, она чувствует ритмичное тук-тук, она напевает.

Мать: Мир наш в паучье пустоте, нитями серыми замурован. Солнце нас темнотой охлаждает: тела наши серые бережет от разложения, гниения, растления, слезотечения, сердцебиения, кровотечения.

Мы в черной осени живем, вечный ноябрь у нас. Ноющей слякотью под ногами земля стонет. Тучи наши кровью дождятся и пеплом снежатся.

Сады наши печальных туманов отцы, воды наши тихих ливней матери. Деревья нам подражают, окоченели ветви их кривыми изгибами, как конечности наши, птицы нам подражают, поют часами тишину свою, рыбы нам подражают, на сушу выбросились и дышать перестали. А мы зверям подражаем: лоскутами кожа на нас одета, что шкуры их.

Есть люди, есть не люди. Мы – не люди.

Есть жить, есть нежить. Мы – нежить.

Мать замирает, проводит ладонью выше, по груди, сжимает ее грубо, длинными ногтями распарывает платье, а затем продолжает царапающие движения на коже, кровь не течет, но есть желтый гной.

Мать: У меня соски трескаются из них гной течет тебя им не напою

У меня руки холодные, обниму если, легкие твои воспалятся, поэтому не обниму никогда

У меня губы в простудах разбухшие, поцелую если, умрешь

Я тебя не трону никогда, ты одна будешь, ты смейся, плачь, одна только смейся и плачь, я смотреть буду, а видеть не буду.

Я тебя не укушу никогда, ты сама себе навреди, ты сама себя укуси, ты сама от себя откуси, ты сама себя съешь, а потом подавись, а потом затошнит...

Я тебе любви не дам никогда, я ее с собой похороню, она во мне разлагаться будет, до боли разлагаться будет, а я удержусь, улыбки не дам тебе и поддержки не дам, лицо в сторону поверну и губы сожму, крепко очень сожму. Скулы сведет. Подбородок вверх.

А потом как затараторю:

Уйди уйди уйди йди ди и и и и и и и

Оставь оставь оставь ооставь ставь тавь явь

Пропусти ропусти опусти пусти усти сти ти и и и и и

И сама украдкой буду глядеть за тобой, в любви своей купаться одна буду, а любовь моя в тебе, но тебе ее не узнать, я скрою, я все зеркала занавешу, ты себя не увидишь и любви моей значит не увидишь.

Ишь чего захотела

Тела твоего не умою ни разу

Разум твой опустошу оскорблениями

Ленивой украдкой буду

Украду все, что есть тебе милого, чтоб мое было

Кого полюбишь ты, того тенью стану

Руку к кому протянешь кожей его окажусь

Посмотришь куда, там я уже стою

Не жить и нежить нежить – тебе судьбой наречено

Это я нарекла, это я к Богу прокралась и в его книжечке, на твоей страничке выцарапала, а он посмотрел, головой кивнул, молодец говорит, хорошие слова говорит, потом контрол цэ контрол вэ нажал и множественное копирование сделал: на все странички перенеслось.

Теперь он лицо от меня отвернул, губы крепко сжал, подбородок вверх.

А потом как затараторил:

Уйди уйди уйди йди ди и и и и и и и

Оставь оставь оставь ооставь ставь тавь явь

Пропусти ропусти опусти пусти усти сти ти и и и и и

Прости прости прости прости прости прости прости прости

Я иначе не умею, но и ты не учись

Смирись смиришь смиришь смиришь смиришь смиришь смиришьсмирись

Мать: Ребенок в моем чреве стучит

Эхо: Ит

Отец: Это невозможно

Эхо: Но

Отец: Нет никаких но, он должен быть неподвижен, он должен молчать, твердо свернувшись в твоём животе

Эхо: Вот

Мать: Недавно я почувствовала внутри себя пульсацию. Ту-тук ту-тук ту-тук ту-тук

Эхо: ук

Отец: Можно я...?

Эхо: Но я

Мать: Я сразу поняла, что это плод.

Эхо: ук

Отец: Можно я, пожалуйста, прикоснусь?

Эхо: Усь

Мать: У меня не было даже мыслей других не было, в моем теле не может быть ничего энергичного.

Отец: Пожалуйста, можно я почувствую?

Эхо: Нет, ты не можешь, конечно. Ты никогда ее не трогал, ты никогда ее не ласкал, она не понимает, о чем ты просишь.

Мать: В моем теле не может ту-тук ту-тук ту-тук ту-тук, оно размякло, оно разбухло.

Эхо: В тебе даже опарыши не живут

Мать: Да, это правда, во мне даже насекомые гнезд не вьют, я всегда была пустая.

Эхо: Тая

Отец: Дай я руку, пожалуйста, к животу приложу, дай я ту-тук ту-тук ту-тук ту-тук почувствую

Мать: Потрогай

Эхо: Ай

Мать: У тебя руки холодные, ей не нравится

Эхо: Нравится

Отец: Откуда знаешь, что она - это она?

Эхо: Она

Мать: Я никогда не думала, откуда. Я всегда знала, я всегда была здесь, я всегда была: *“Труп молодой женщины хорошего питания. Кожные покровы лица и груди слегка желтушны, на остальной поверхности с сероватым оттенком. На коже живота от пупка до лобка расположен операционный разрез, ушитый швами, которые хорошо держат. В области правой лодыжки имеется косо идущий разрез линейной формы, стянутый тремя швами”*. И во мне всегда был *“плод, смерть которого наступила, от внутриутробной асфиксии. Жидкая темная кровь в полостях сердца и крупных сосудов, точечные кровоизлияния в серозные оболочки сердца, легких, полнокровие вещества головного мозга и внутренних органов”*.

Эхо: Внутренних органов

Отец: Понимаю.

Эхо: Нимаю.

Мать: Это - дочь. А ты - Отец.

Эхо: О те ц

Мать: А я мать.

мое небо растрескано молниями, сквозь которые пробивается туманный светя очень свернутая

в тесной камере

ее стены мягкие

я толкаю их ножкой

большим пальцем дырочку проковыряла
от нее по стенам разошлись трещины
темно-серые
в темноте это очень даже ярко
я вижу, что вокруг меня все красно-розово-сине-серо-зелено
я очень свернутая
как будто поломатая
холодно
плечей не расправить
когда я рожусь я буду ненужная
это вообще мой план на жизнь - оненужниваться
потихоньку
сначала надо перестать плакать и кричать
один раз можно самый первый
а потом надо хлюпать и хныкать
все тише и тише с каждым разом
задыхаться еще планирую
интенсивно, но незаметно
мне воздуха не должно хватать
тело чахнуть будет
Я уже в чахлом теле
Я слышу ее голос
похож на слово "скрижаль"
скрипит и жаль
жаль такого человека
я знаю, как мы жить будем

я буду спрутом по дому растекаться
вся слух вся внимание
а где она там ходит
а она будет очень громко ходить
суетливо
громко кастрюли тарелки переставлять
и непонятно зачем переставляет
потом дверь входной хлопнет
я выдохну - ушла
а потом затревожусь
куда ушла
зачем
и с чем придет
какая придет
такая свежая и легкая со словами
ты представляешь что в магазине было
или такая молчаливая грузная
что очень даже хорошо что я мало дышу
потому что она все своей тяжестью заберет
она весь воздух в себя всосет как губка
и мне совсем мало останется
голова будет болеть
будет очень часто болеть
врачи скажут анемия
она скажет симуляторша ебаная
лишь бы в школу не идти

я глазами буду за ней следить
на чем она сейчас сосредоточена
она будет сейчас телик смотреть
или что-то полистает а потом выдохнет громко и скажет
ну че ты там
как в школе че
оценки хорошие у тебя
а пахнет от нее невкусно
мне моя подруга скажет, что очень любит как ее мама пахнет
а я вспомню как она пахнет и меня скрутит
тошнота
ее мягкое тело
когда на стуле сидит
ногой постукивает
у нее икра трясется
а на столе будут бутерброды
а я буду под столом играть
я буду говорить это моя комната теперь
а она что скажет
она скажет что
нашла себе место
ты что собака под столом сидеть
может тебе объедки еще начать кидать
и посмеется
а я там останусь
это моя комната теперь

и объедки не будут кидать
даже крошка не упадет
и капельки воды не прольется
потом кто-то придет и посмеется тебя что не кормят
а я скажу да
и снова посмеется
плохие какие поругать их
и я скажу не надо
ничего не надо
в покое оставьте пожалуйста
оставьте меня
оставьте

Отец: Вот теперь время выйти из дома. Хотя откуда мне знать, какое время. Я же не забрал свои часы!

(жовиально идет к часовщику, по пути к нему обращает внимание на дворников, которые снимают объявление "Только сегодня! Цирк с дрессированными животными! Городская площадь, возле гастронома» и клеят новое "Только сегодня! Цирк с дрессированными животными! Городская площадь, возле гастронома")

Отец: Ух ты, надо сходить!

У часовщика:

Отец: Здравствуйте! Не починили ли вы мои часы?

Часовщик: Нет, еще не успел.

Отец: Не скажете ли тогда, который час?

Часовщик: Я всегда был здесь, окруженный временем. Я всегда был часовщик, я всегда смотрел на неподвижные стрелки и радовался им тихой радостью старца обездоленного любовью, а ваши часы, они ходят ходуном, они дисгармонизируют меня, и мои некоторые часы тоже стали бежать, значит ли это, что время начало свой ход?

Отец: Что есть время?

Часовщик: Я думаю, это неизвестная нам конвенция.

Отец: Всего вам хорошего. Я завтра снова приду

Часовщик: Вы приходите, когда ваши часы показывают на цифру десять.

Отец: Я не знаю, что это значит. Всего вам хорошего.

Дома:

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

ОтецыМатьсмотримвокно.

отецыматьстираютволокно

отецыматьволокимолоко

отецымать

отецыма

отецым

отецы

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят в окно.

Отец и Мать смотрят друг другу в глаза

Отец: Пора

Городская площадь возле гастронома. В центре огромный баннер “Только сегодня! Цирк с дрессированными животными! Городская площадь, возле гастронома”). Весь город собрался здесь и смотрит. На сцене никто не появляется.

Большинство жителей города мертвых: показывают пальцами в пустоту и смеются над клоунами, обсуждают стадо зебр, которые синхронно преодолевают препятствия, удивляются пуделям, прыгающим сквозь огненные кольца, восхищаются полетом дрессированных попугаев, со страхом замирают, когда дрессировщик погружается по пояс в пасть трехметрового аллигатора, вздрагивают, когда эквилибристка делает три сальто мортале на канате подряд без страховки, широко открывают глаза, когда фокусник

вынимает верблюда из цилиндра и тот плюется в толпу, и кто-то даже хохочет, а кто-то возмущается.

Меньшинство жителей города мертвых: плачут, что не могут ничего разглядеть, что на сцене пусто, а другие при этом много чего видят.

Отец: *(энергично)* Выходит, сегодня это мы оказались дрессированными животными!

Ночь. Мать ходит из комнаты в комнату, по лабиринту квартиры. В мире мертвых никто не спит, ночью все ходят из комнаты в комнату в плотных черничных сумерках. Иногда она оказывается в одной комнате с отцом, который тоже ходит из комнаты в комнату.

Комнат бесконечность или три. Есть еще коридор(ы). Есть еще ванная, туалет, санузел отдельный, это важно.

В одной из комнат Мать застаёт стиральщицу.

Стиральщица открыла шкаф и выбрасывает одежду на пол.

Мать: Доброй ночи!

Стиральщица: (шипит в ответ)

Мать: Да как-то и не спится, знаете.

Стиральщица: топчет одежду и улюлюкает

Мать: А я вас не вижу, вас же никто не видит.

Стиральщица: топчет одежду и улюлюкает.

Мать: Я вас каждую ночь не вижу. Вы очень незаметная. Я так удивляюсь каждый раз. Сначала я удивляюсь: “А почему моя одежда по полу разбросана?”. Потом удивляюсь: “А куда это моя одежда плывет в этом огромном металлическом тазу?”. А вас никогда не вижу.

Стиральщица: (лакает таз языком, стоя на четвереньках, сладко мычит)

Мать: Просто иногда любопытно все-таки, вы не против, если я проявлю любопытство, все-таки. Вы мне в прошлый раз вернули платье мое повседневное, но я вас не видела, конечно: все как положено, есть и дырочки от сигарет там, где соски, есть и разводы крови на воротнике, потемнела очень, на спине есть след ботинка, прилипший кусочек веревки есть в районе предплечий. И все филигранно, очень.

Стиральщица: прикусывает краюшек таза, скрежечет зубами и металлом.

Мать: Надела я, но вас не видела, ни до, ни после. Надела я платье, а выглядеть избитой, потасканной, изнасилованной не стала, вроде и разорвано местами, а эффекта нет.

Стиральщица: складывает одежду в таз, медленно пританцовывая

Мать: Можно я вас попрошу, в этот раз тщательнее стирать?

Стиральщица: (берет таз обеими руками и идет к выходу)

Мать: Спасибо большое, вы очень помогаете, я не хочу выглядеть ну знаете, какой-то неопрятной что ли, соседи уже стали говорить всякое.

Стиральщица: (останавливается возле матери и бьет ее ногой в живот)

Мать: Я вас не вижу, спасибо (улыбается нежно)

Стиральщица: Сука!

Мать: Не вижу.

Стиральщица: (уходит)

Мать стоит у кровати. Она надавливает на матрас ногой, касается пальцами торчащих пружин.

Мать: Я не могу положить тебя на матрас, когда ты будешь спать, ты же будешь спать. И, если ты будешь спать здесь, ты поранишься, эти пружины ранят твое тело.

Из-под кровати доносятся голоса. Мать наклоняется, чтобы посмотреть, под кроватью лежат дети. Их ладони в первой позиции колыбели для кошки.

Мать: Что вы здесь делаете?

Дети: Мы играем

Мать: Во что?

Дети: В заупокойную для кошки

Мать: А в чем смысл этой игры? У меня скоро тоже будет ребенок, я хочу с ней поиграть во что-то.

Дети: Нужно, чтобы твои руки оказались связаны нитью и ты не могла шевелить пальцами, ладонями и запястьями.

Мать: Надо же как интересно. А как понять, кто победил?

Дети: В этой игре это неважно, важно оказаться связанными по рукам.

Мать: И давно вы так?

Дети: Мы всегда были здесь, мы всегда были связанные по рукам дети, спрятавшиеся под кроватью.

Мать: От кого вы прячетесь?

Дети: молчаливо отводят глаза

Мать: Вы прячетесь от меня?

Дети: Мы не знаем, от кого. Мы просто знаем, что мы всегда были здесь и всегда должны прятаться. А что про вас?

Мать: Я всегда была здесь, я всегда была жена и дочь. Скоро я стану жена и мать.

Дети: Что-то поменяется в тебе?

Мать: Плод покинет мое тело.

Дети: Ты сделаешь аборт и будешь нянчить абортыша?

Мать: Нет, она выйдет сама, это будет живорождение.

Дети: Спасибо. Нам никогда не читали сказок раньше. Продолжай и мы узнаем, что такое дремота и сон.

Мать: Плод разрастается в моем животе, скоро начнутся схватки и роды, она выйдет с криком на свет. Я буду кормить ее грудью и смесями, а потом начну прикорм. Она будет становиться крупнее с каждым месяцем, начнет ползать, а потом ходить. А однажды она спонтанно скажет “мама”, представляете?

Дети: впервые в жизни уснули и сопят.

Раннее утро, сотрудники коммунальных служб меняют плакат о цирке на плакат о цирке, на городской площади, за их спинами оказываются горожане, которые расталкивают их нелепо и молча, и поверх плаката клеят небольшие листки А4, точнее, половинки А4, на которых написан один и тот же текст.

“Мы жители города мертвых, среди нас имеются граждане, разной степени разложения, разного свойства очоления, с разным набором органов и конечностей, в едином вопле вопрошаем: наличествует ли злой умысел в действиях гражданки, которая, как выяснилось, занималась непотребством: процессуальным вынашиванием и живорождением (есть подозрения и в живозачатии, но это нам доподлинно неизвестно, хотя источники наши, конечно, достоверны и достойны, чисты и честны).

Мы выносим на общественный суд данный вопрос, как активные граждане, как инициативные субъекты, как люди, в конце концов, наблюдающие аморальное и неспособные это более терпеть.

Гражданка демонстрирует своим поведением вседозволенность. И, если мы сейчас, допустим это поведение, то что будет дальше? Узнаете ли вы завтра своих детей? Не покраснеют ли их щечки от румянца, не потянутся ли они губами к соскам вашим за теплым молоком?

Мы должны это остановить!

В связи со всем вышесказанным, заявляем следующие требования (все сразу или одно из)

1. гражданку изгнать из города
2. гражданке провести изъятие плода и умертвить его

Завтра на городской площади пройдет совет по безопасности, по вашей безопасности, товарищи! После дискуссии и выступлений проведем голосование, на котором определим судьбу гражданки

На бюллетенях будут представлены два вышеперечисленных варианта исхода, а также третий “за оба” и четвертый “против всех”.

Просим, нет, ну настаиваем, конечно, всех быть.

В начале пройдет митинг, мы будем на нем шептать о своих правах и желаниях»

Отец: Вот теперь время выйти из дома. Хотя откуда мне знать, какое время. Я же не забрал свои часы!

Отец случайно бросает взгляд на вечно лысые, вечно белые деревья, которые вечно стояли у подъезда, без листвы и плодов, возле которых вечно лежали осыпавшиеся листья и перегной. С земли медленно поднимаются и наполняются багровым цветом листья, и в спиралевидном круговороте поднимаются к веткам, и соединяются с ними, а потом зеленеют. Отец не знает, сколько времени это занимает, но понимает, что долго, ему становится страшно, что он теперь знает, что такое «долго», выходит, вечность заканчивается, выходит, появляется чувство времени.

Отец: А мне что теперь делать? Ну, конечно! Я могу сделать вид, что ничего не видел и ничего не знаю. Отлично! Вот теперь время идти к часовщику.

Отец случайно бросает взгляд на ведро, которое вечно стояло у подъезда, в котором вечно лежали, разложившиеся трупы вечно утопленных котят, убитых вечно садистичной живодеркой из соседнего подъезда. Он слышит, что в ведре, что-то плещется, он слышит протяжные тонкие звуки, которые заканчиваются на аааааааау. Он боится подойти ближе и увидеть, что там не смешавшаяся с грязной водой шерсть и куски серой плоти и морды с выпученными глазами.

Отец: А мне что теперь делать. Ну, конечно! Я могу сделать вид, что ничего не видел и ничего не знаю. Отлично! Вот теперь время идти к часовщику.

(печально идет к часовщику, по пути к нему обращает внимание на объявление «Только сегодня! Цирк с дрессированными животными! Городская площадь, возле гастронома», объявление заклеено листками, он подходит ближе и внимательно читает. Он боится, что его жену скоро будут судить, он боится, что теперь, выходит, есть суд, есть правосудие, и, поэтому, есть преступление, он боится, что будет свидетелем)

Отец: А мне что теперь делать. Ну, конечно! Я могу сделать вид, что ничего не видел, ничего не знаю. Отлично! Вот теперь время идти к часовщику.

У часовщика

Отец: Мне, если честно, страшно, я смотрю на все ваши часы, их стрелки синхронно двигаются. И я понимаю движение, на часах он выглядит цикличным, благодаря окружности, но я почему – то ощущаю его как конечное.

Часовщик: Вы озвучиваете мои мысли. Непривычно вас видеть таким печальным.

Отец: Это все из-за моей жены. Ее планируют изгнать и\или умертвить младенца в ее утробе. Вы, наверняка, слышали об этом.

Часовщик: Как же! Из-за нее ко мне ходят весь день, забирают часы, чтобы не упустить голосование. Поверить не могу, что появилось время. Раньше ко мне ходили только вы.

Отец: Раньше! Появилось раньше, серые листья стали подниматься с земли и багроветь, мне страшно.

Часовщик: Ну-ну, ну что вы.

Отец: Я всегда был муж, я всегда был *«труп мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания. Трупное окоченение умеренно выражено во всех исследуемых группах мышц. Трупные пятна фиолетовые на задней поверхности, больше слева, при надавливании пальцем окраску не изменяют. Труп холодный. Кожа бледная. Голова правильной формы. Волосы на голове русые. Стрижка короткая. Ушные раковины обычной формы. Слуховые ходы свободны. Лицо синюшное, одутловатое, с экхимозами. Глаза закрыты. Роговица помутневшая. Зрачки круглые, равномерные, 0.4 см. в диаметре. Соединительная оболочка век синюшная с единичными точечными бледно-красными кровоизлияниями на переходной складке век»*. А теперь я ничего не знаю и всего боюсь.

Часовщик: Вы говорили со своей женой обо всем этом?

Отец: Зачем?

Часовщик: Возможно, она разделяет ваши чувства?

Отец: Я никогда не думал, что такое возможно! *(к нему мгновенно возвращается былая жовиальность)* А вы ведь можете оказаться правы. Она, скорее всего, тоже не хочет ее... И она, скорее всего, тоже боится. Я ей помогу с умерщвлением. И тогда закончится этот аааааааау у подъезда и листья рухнут наземь, а горожане вернут вам все часы. Хорошего дня!

Часовщик: Подождите! Заберите свои часы, я их починил.

Часовщик протягивает Отцу наручные часы, Отец сжимается в плечах и медленно отступает, Часовщик открывает прилавок и двигается в сторону отца. Начинается драка, Часовщик прижимает отца к стене и бьет его несколько раз в лицо рукой, выковыривает из его рта почерневшие зубы, широко распахнув его рот, бьет ногой в пах, а потом правой рукой сжимает его шею, а левой скручивает мошонку. Отпускает мошонку, двумя пальцами хватает за ноздри и ведет лицо вверх, пока ноздри не рвутся. Ставит Отца на четвереньки, садится верхом, лицом к его затылку, заламывает руку и силой надевает на нее часы. Смотрит на отвертки, которые лежат на его столе и думает, какой бы изнасиловать. Решает не насиловать. Кусает в плечо, отгрызает кусок плоти, из плеча на пол капает несколько капель крови. Красной.

Часовщик и Отец вскрикивают от ужаса и выбегают из часовой мастерской, куда глаза глядят. Отец успевает на прощание крикнуть «Спасибо» и взмахнуть рукой.

Следующий день, на городской площади

Мать стоит перед толпой мертвецов. Из толпы к ней выходит женщина, баюкающая на руках вечно спящего младенца, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС)

Женщина с вечно спящим младенцем на руках, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС): Я люблю, и ты полюби, мой мертвый и твой мертвый.

Мать: Моя живая

Женщина с вечно спящим младенцем на руках, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС): Мой мертвый, значит и твой мертвый будет

Мать: Она ножкой иногда дергает, она теплая и мне от нее очень тепло, я теперь тоже теплая, на потрогай (берет руку женщины с вечно спящим младенцем на руках, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС) и кладет на свой теплый живот)

женщина с вечно спящим младенцем, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС) на руках не может оторвать руки, она так и остается надолго, а потом, ну это будет потом, когда митинг закончится, она начнет ходить за матерью, и просить иногда потрогать, а сейчас, ну это сейчас, когда митинг уже идет и все граждане молчат, она что-то вроде эйфории проживает.

Выходит следующий житель, чтобы высказать свою позицию.

Следующий житель: Ну, малая, ну как-то нехорошо это.

Следующий житель: да ты знаешь, мы с тобой еще вошкаемся тут, по-хорошему бы уже взять вот лопату и по животу тюкнуть и все сразу станет нормально. Фу, уговариваем еще

Следующий житель: Мы тебя тут не уговариваем вообще-то, что скажем, то и сделаешь.

Следующий житель: Мужу в глаза не стыдно смотреть?

Следующий житель: Да что вы с ней разговариваете?

Следующий житель: Граждане, кучнее, не распыляемся, давайте голосовать. Перед вами четыре урны, возле каждой бюллетени, На бюллетенях будут представлены следующие варианты: гражданку изгнать из города, гражданке провести изъятие плода и умертвить его, а также “за оба” и “против всех”. Вы голосуйте, а я буду считать, сколько людей к какой урне подошло.

Мать решает прогуляться, пока идет голосование, за ней увязывается женщина с вечно спящим младенцем на руках, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС). Они идут к порту и смотрят на купальщиц, которые плескаются в нефтежиже и мажут лица друг друга мальковым перегноем.

Купальщицы: Вы с нами хотите? Да не осталось почти ничего природного, приходится самим все делать. В море все мальки свеженькие. Приходится ловить и относить в лужу, там загнивают, мы их жрем только потом. По несколько дней ждать приходится.

Купальщицы: А вот смотрите, что еще (заходят чуть дальше в море, вода смывает с них нефтежижу, мальков, очищает их серо-зеленые разбухшие тела).

Купальщицы: А еще знаете, что, вот многие из нас всегда были «труп женщины, причиной смерти которой явилась механическая асфиксия в результате закрытия просвета дыхательных путей жидкостью при утоплении, о чем свидетельствует наличие острого вздутия легких, мелкопузырчатой пены в просвете дыхательных путей, кровоизлияний под плевру и в ткань легких, наличие жидкости в пазухе основной кости, признаки быстро наступившей смерти (венозное полнокровие сосудов внутренних органов, жидкое состояние крови в полостях сердца и крупных кровеносных сосудах), а также отсутствие повреждений и заболеваний, которые могли бы обусловить наступление смертельного исхода». И, естественно, мы в воде устоять не могли, потому что «при достаточном развитии гнилостных газов вовремя нахождения в воде труп всплывает». А теперь вот стоим.

Мать: Зачем вы все это говорите и показываете?

Купальщицы: Затем, что твой уродыш должен как можно скорее омертветь. Мы ждем – не дождемся.

Мать возвращается на площадь, голосование завершилось. За ней тенью ходит с вечно спящим младенцем на руках, смерть которого наступила от синдрома внезапной детской смерти (СВДС). Голосование там еще идет, толпа хаотично бродит между урнами, не понимая, что делать. Мать возвращается домой.

Отец: А ты ждешь ее?

Мать: Жду

Отец: А я нет

Мать: Я знаю

Отец: Мне она не нужна

Мать: Я знаю

Отец: А тебе нужна?

Мать: Мне очень нужна. Я, знаешь, что стала замечать, когда она во мне запульсировала? Что все на самом деле пульсирует. Я пульсирую, свет под ногами пульсирует, земля над головой пульсирует, в ней корни пробиваются, мы на них смотреть будем с дочкой и думать, какие там деревья выросли, снаружи?

Отец: Тише! (оглядывается по сторонам)

Мать: Мы одни в квартире

Отец: Даже одним в квартире небезопасно говорить о снаружи

Мать: Снаружа снаружи снаружи снаружи

Отец: (хватается за голову и безмолвно кричит, широко открыв рот и распахнув глаза)

Мать: А мы с ней еще мицелий будем рассматривать, он блестит очень красиво в почве

Отец: Я не могу так, мне страшно, мне очень страшно, я бессилен, перед тобой бессилен и перед людьми

Мать: Ну снова ты начинаешь

Отец: Ну позволь, позволь я изыму ее из тебя и она станет такая как мы?

Мать: Нет, я хочу чтобы она шла своим путем

Отец: Ты же понимаешь, что если я это не сделаю, то другие сделают

Мать: Да, но если ты это сделаешь, это будет совсем ужасно, я не смогу с тобой больше быть

Отец: У тебя нет выбора. Мы заживем как прежде, твое чрево нам принесло столько боли. Мы теперь знаем, что такое прежде. А что будет дальше?

Мать: Она будет расти

Отец: Она медленно умрет на твоих глазах, потому что нам нечем ее кормить, наш мир не предназначен для таких, как она.

Мать: (хватается за голову и безмолвно кричит, широко открыв рот и распахнув глаза)

Отец: Позволь мне изъять ее из тебя. Позволь! Я ее верну обратно, но она уже будет как мы, ты будешь с ней также ходить. А если тебе хочется, чтобы она пульсировала и стучала, я знаю часовщика, он вставит в нее часовой механизм, и ты всегда постоянно каждую секунду будешь слышать, как она ту тук ту тук.

Все вернется на свои места мы с тобой будем ходить и в храм, и в порт, и все на нас будут скалиться.

Мать: Мне страшно.

Отец: Так и должно быть. Мы всегда были здесь, мы всегда испытывали страх.

Мать: Я забыла об этом.

Отец: Мы всегда были здесь, мы всегда были без памяти.

Мать: Если нет памяти, то и вспоминать не о чем.

Отец: Ты даешь согласие?

Мать: Нет

Я тебя ненавижу, я, когда ты провинишься, а ты провинишься, ты уже виновата, я на твоей ладошке кожу зашпишу и крутить начну.

Буду спрашивать: ты понимаешь, за что я это делаю? Это наказание, ты скажешь. А я буду спрашивать: а как ты себя вела, что я тебя наказываю? Ты скажешь: плохо себя вела, больше так не буду, я чуть-чуть скручу сильнее, и скажу, дай обниму, ты молодец.

Потому и ненавижу, я себя твоими глазами видеть хочу. И я хочу видеть, что я красивая, что я нежная. Как я изящно хожу, например. Или смех свой слышать через тебя и твои мысли слышать, а ты от моего смеха должна думать: я теперь тоже смеяться хочу, так она заразно смеется. Я не потерплю, если ты будешь других людей любить. Это выходит, ты их тоже будешь красивыми видеть и от смеха их смеяться. Я вот иногда встану в какую-то позу и думаю, как бы поизящнее. Или, иногда, ты думаешь я чем-то увлечена, читаю или кофе варю, а я тобой увлечена, твоим взглядом на меня увлечена, как ты меня видишь и думаешь: интересно, она вот ручкой делает пометки, наверное, что-то интересное читает, какая она умная, не просто читает, но и пишет что-то.

А я вот когда кожу на ладони кручу, ты меня какой видишь? У меня лицо злое? Ты мне расскажи, это красиво? потому что я думаю, что красиво, ты не удивляйся, но нет ничего красивее матери бьющей ребенка в нашем мире. Это повседневная красота, она всем доступна, кому-то в прошлом, кому-то в настоящем, кому-то в будущем.

Если ты была в животе, а потом у тебя в животе кто-то будет. И тебя вот щиплют, потом ты щипать будешь. И лицо у тебя будет красивое, внимательное и трепетное, наполненное заботой, за что я это делаю я себя плохо вела больше так не буду молодец дай обниму

оооо ты будешь хотеть каждый день так делать

но каждый день нельзя, ты же понимаешь

нужна неожиданность

я, например, раза три-четыре над твоими шалостями посмеюсь, а на пятую смотрю строго и говорю: "ты как посмела?"

обязательно посмела

потому что смелость за нее надо щипать

и крутить

и скручивать

и выкручивать

и выкрикивать

ты как посмела

потому что смелость должна быть выдрессирована

если ты в этом хаотическом непредсказуемом потоке все же осмелишься что-то сделать а потом будешь осмеливаться все чаще и чаще и чаще

я скажу, конечно, поколачивала, я из тебя человека пыталась вырастить и видишь, вон ты какая теперь, себя в обиду не дашь, за словом в карман не полезешь

а если ты не осмелишься

если так и останешься стоять голову склонив и не поднимая глаз и повторяя "плохо себя вела больше так не буду"

я спрошу "а что надо теперь сказать"

и ты скажешь "спасибо"

спа-пой поговорю он тебе ремня всыпет

спа - сите

спа-сайся

дело рук утопающих грести как можно сильнее

ручки чахлые не справились, вот и ущипну кожу на правой сначала и скручу посильнее

Мать лежит в кровати и смотрит на лицо Отца, Отец стоит над матерью и нашептывает, глядя на ее живот.

Отец: Я бы очень хотел, чтобы тебя не было. Чтобы ты не появлялась на смерть. Потому что в мире, где ты есть, меня быть не может. А в мире, где я есть, тебя быть не должно. И вот теперь ты есть, ты здесь. Значит, мне уйти надо.

И я уйду. Напоследок только сказать хочется несколько слов.

Чтобы ты знала.

Я человек простой. Мужчина. У меня есть семья. Бывает эрекция. По утрам поллюции. После близости *post coitum triste*.

Fallos, fascinum, pryapisme.

Это все, чем я по-настоящему владел. А твоей матерью - никогда. Владеть значит управлять и распоряжаться. Такого у нас никогда не было.

Были просьбы, уговоры, мольбы. За ними шли пенетрация, фрикции, эякуляция.

Мы не смотрели друг другу в глаза и редко целовались в процессе. Нам не хотелось кусать друг друга за мочку уха. Мы даже не потели.

Ты возникла из этого процесса.

Без пота, влаги, устойчивой потенции, не доставляющего удовольствия оргазма. После мы не лежали в обнимку голые. Я не целовал влажной спины твоей матери, и мы не начинали заниматься любовью снова. В ее глазах не было теплого света любви и радости. В ее глазах ничего не менялось.

Ты дитя нелюбви, неблизости, неудовольствия.

Я прощаюсь с тобой, потому что ты хуже, чем голлум.

Обычная снаружи, навеки монструозная изнутри.

Ты это не изживешь.

И я не смогу сказать тебе, что люблю. Это абсурд.

Как я могу любить монстра. Тебя очеловечит только непричастность к нашим телам.

Может, ты просто возникла.

Наша возня не могла привести к рождению ребенка.

Ты непорочно зачата. А мы просто возились под простынями в дождливый день.

Это совпадение. Причинности в этом нет.

Не хочу смотреть, как ты растешь. Ты не моя дочь. Я тебя не люблю и не полюблю.

Прощай.

(бьется головой о столбики кровати или растворяется в воздухе, но рядом с семьей больше не появляется никогда, в одном действенном пространстве их быть не может)

Мать в сопровождении конспиролога идет к городской площади. Там все также хаотично двигаются между урнами жители города мертвых.

Конспиролог: Смотрю на тебя, совсем ты изменилась, тебе надо что ли, ну не знаю, дай руку, руку дай, теплая почему рука? А я тебе скажу почему, потому что ты вчера молча стояла, надо было завывать, закудахтать, а ты молча стояла, че ты молча стояла? Знавал я одну, такую же, молчите вы. Молчание женщину не красит, женщина говорить должна, вслух, ртом, губами шевелить, а то взяли моду, по углам сидите, рта не открываете. Ну-ка, скажи что-нибудь, ну зубы разожди, АААААА сделай. Фу, дурная, закусила как.

Я верую, меня вера спасает, вера, что все это закончится, что наступит конец мраку, который нас поглотил, что нас черви доедят. Я вижу, что все подгрызает знатно, у многих уже белые-белые такие кости торчат, так лизнуть хочется, да у меня языка не осталось, я утробой говорю, и ты научись. Не сиди без дела.

А ты думала, что будет, когда кроме костей ничего не останется? А я знаю, мне откровение было, рассыпемся мы, в муку рассыпемся, нас боженька веником в совочек соберет и слепит из нас, вот нас миллиарды, да? Бесчисленно много нас, а он из нас всего одну слепит. Но какая это будет....

Ты поэтому, чтобы поскорее рассыпаться, ты каждый день в змеиный тоннель ходи, там темные клыкастые, они от нас откусывать любят, ты ходи, на входе раздевайся, и в темноте лежи.

Они к тебе приползат будут, и по чуть-чуть откусывать. Темные они быстро наедаются, терзать не будут

Нам всем надо туда ходить

А я говорил я говорил уже много раз вообще-то, что надо вместо площади там нам лежать чтобы чуть-чуть кусали

каждый день по чуть-чуть и что будет? за две недели бы уже рассыпались

мы - материал, мы гипс

она нами будет лепестки роз целовать в райском саду

она нами будет львов по спине гладить

она нами в воды чистые войдет и затвердеет кожа ее от прохлады и засмеется нами она

а ты стоишь тут зенки выпучила, ступай, говорю в туннель

Мать: молча выходит в центр площади

я сплю

я нежная

я сон вижу

я тебя за руку держу

я на тебя с улыбкой смотрю

я в платице с белым кружевом

я в туфельках с розовыми бантиками

мы сидим в обнимочку и наверх смотрим, мы сидим в обнимочку и в альбоме чертим, вот это червь прополз дождевой, а вот это плоский, мы исследовательницы с тобой

и мне хорошо

а потом мы домой идем, а в доме я засыпаю и сон вижу

а ты, пока я сон вижу, гладишь меня по ногам, и говоришь: устала малышка, конечно, столько гуляли с тобой, весь центр обошли.

и хороший такой сон, и ведь правда, что сбудется, что это все впереди.

а что еще впереди, я знаю

и поэтому я даже за умертвление, ты знаешь

возможно, я как только ходить и говорить научусь, начну пытаться умертвиться, ты поэтому может и не затягивай

ну потому что а что еще впереди я знаю

будет очень больно каждую секунду будет очень больно потому что ты меня приведешь в боль это без сомнений потому что если и есть что-то из-за чего этот мир крутится то это страдания конечно ты либо сама страдаешь либо смотришь как другие страдают и ничего не можешь с этим сделать

смотреть как другие страдают

поначалу будет казаться что можно это исправить что есть маленькие дела что зачастую достаточно просто не причинять вреда и иногда делать что-то хорошее а боль будет множиться она будет все пространство занимать

со мной будут взрослеть информационные технологии

и, если поначалу я буду тревожиться только в 07:00 (когда проснулась), в 15:00 (после школы), в 18:00 (во время ужина), в 21:00 (перед сном)

лет с тринадцати и до двадцати двух я буду в пубертате, в плохой компании, в поиске призвания, в депрессии, в парасуицидальном поведении, тревожиться, но из-за себя, из-за школы, колледжа, универа, из-за первой любви, из-за первого секса, из-за подружек с турбулентным взрывным характером, из-за нехватки денег на поездки и классную одежду, из-за дурацких работ, где все кричат и ничего непонятно, из-за того, что явно тупею, мало читаю и никуда не хожу, из-за того, что перестала писать тексты, хотя всю жизнь мечтала быть писателем, из-за того, что наконец поступила на литературное творчество и перестала писать, хотя всю жизнь мечтала быть писателем и быть среди писателей, из-за насилия и абьюза, хотя не знаю этих слов и об этом никто не говорит публично, из-за того, что не умею просить о помощи и говорить, что мне плохо, из-за затяжной меланхолии, из-за ежедневной боли в голове, из-за ежедневной боли в грудной клетке, из-за головокружений в метро, из-за обмороков в метро, из-за нежелания выходить их дома, из-за страха остаться одной в

подъезде, из-за навязчивой мысли, что мне причинят вред, из-за того, что все будет серым и вязким и ничего не будет доставлять удовольствия, из-за того, что я ничего не делаю, ради своей мечты, хотя я всю жизнь мечтала быть писателем, из-за того, что надо прятать синяк на щеке, а я всю жизнь мечтала о любви как в книгах и фильмах, из-за того, что чужое настроение на меня очень сильно влияет и, когда рядом со мной кто-то экспрессивный, мне физически плохо, в животе что-то сворачивается в холодный клубок и я должна это исправить, из-за того, что все, с кем я общаюсь, очень экспрессивные и громко разговаривают и всем недовольны, и я должна это исправить, из-за того, что я не могу эту исправить и перестану чувствовать не только удовольствие, но и все остальное, из-за того, что я схожу с ума, пытаюсь получить любовь и одобрение от мужчин, из-за того, что я схожу с ума, пытаюсь получить любовь и одобрение от женщин, из-за того, что я всегда чувствую себя неуместной, из-за того, что я всегда за плотной стеклянной стеной между мной и миром, из-за того, что я тянусь рукой к кому-то и ударяюсь кончиками пальцев в эту стену, бьюсь в нее кулаками и разбиваю об нее голову, а она не трескается, из-за того, что я одинока и часто из-за этого плачу, из-за того, что я всегда была одинока и часто из-за этого плакала, из-за того, что я всегда буду одинока и часто буду из-за этого плакать, из-за того, что я всех понимаю, а меня никто, из-за того, что мне часто стыдно за все: где-то что-то не так сказала, где-то рассмеялась громче положенного, где-то пошутила, а никто не понял, где-то споткнулась и упала, где-то что-то уронила и это было громко и все заметили, из-за того, что ты меня покинул, а я не смогла это принять и несколько лет мучалась, из-за того, что ты меня покинул и я приняла это спустя несколько лет и поняла твои причины, а сквозь них и причины других: любить меня невозможно и ненужно, я мусор, во мне нет ни таланта, ни ума, ни красоты, ни сексуальности, ни юмора, если кто-то меня любит, то он скорее всего такой же, и уважать его невозможно, из-за того, что стала встречаться только с теми, кого уважать невозможно, из-за того, что перед сном продолжала себе рассказывать сказки о том, что я писательница и о том, что со мной кто-то, кто меня любит. из-за того, что все мои мастурбации заканчиваются плачем, тихим и горьким. из-за того, что у меня некрасивое тело и я изо всех сил пытаюсь это чем-то компенсировать. из-за того, что мне нечем компенсировать. из-за того, что мне очень нужна помощь, потому что иногда я задыхаюсь, широко открыв рот и, кажется, вот-вот умру, но я не знаю, у кого ее просить, но я не знаю, кому об этом рассказать, из-за того, что все, с кем я дружу много учительствуют и мне меня объясняют, а я их слушаю широко открыв рот и кивая, хотя они неправы абсолютно и причиняют мне боль, из-за того, что я выдумываю диалоги с ними потом и я в них крутая, а в реальности нет. в реальности меня нет, я не существую, я не личность, я никто и однажды меня стащила с сидения в автобусе злая женщина, а я не решилась ей ничего сказать и просто стояла рядом с ней и с сидением и еле сдерживала слезы, а потом друзьям выдумала историю, как я ей круто ответила, как над ней даже подшутила, а они мной восхищались, а реального повода восхищаться мной не

было нет и не будет и мне ежедневно больно и я не знаю, каково это жить без удушья и боли и я хочу вырваться, и я верю, что кто-то меня заметит и заберет, и я верю, что это все прекратится и я стану блистательная и самоуверенная.

а ближе к двадцати трем все это вместе и плюс новый график тревожности от коммуникаций с миром, теперь, когда есть свободное время и телефон в руках, а это есть у меня круглые сутки

и я знаю, я знаю отчетливо, что прямо сейчас кто-то невероятно страдает, потому что люди насилуют людей, люди пытаются людей, люди становятся жертвами катастроф, люди становятся жертвами людей, люди люди люди люди люди люди это сплошная боль, которую я чувствую постоянно.

а удовольствия я не чувствую, поэтому, когда я наконец начинаю становиться писательницей, я ничего не чувствую ни за похвалу, ни за конкурсы, ни за сообщения от незнакомцев, ни за гордость матери не радуюсь, потому что все мои поры, все мои нервы, все мои капилляры настроены на боль и страдание, волоски на моей коже улавливают их как усики муравьев улавливают солнце

и никакая радость неспособна быть прочувствованной, когда все занято болью

где-то в двадцать пять боли станет чуточку меньше, потому что я научусь просить о помощи у специалистов, радости не прибавится, но уже хорошо

и я даже поверю, что вот-вот уже скоро я начну испытывать радость, удовольствие и блаженство, и я даже становлюсь здоровее и начинаю любить йогу и медитации и очень редко буду думать, что не жить легче, чем жить, а задыхаться стану раз в несколько месяцев

а потом, ну это где-то вот сейчас, когда мне двадцать семь, я буду понимать, почему этот возраст сложно пережить и задохнусь, скрючившись от боли в голове, ребрах, и склизкого холодного свернувшегося в животе бессилия, потому что устану смотреть на страдания других и ничего не делать, потому что пойму, что маленькие дела или простое банальное ненанесение вреда ни в какое сравнение не идут с насилием, смертями, войной и самое страшное посеревершими от равнодушия лицами других, которые просто ждут, что завтра будет хуже чем вчера и просто это принимают и медленно двигаются по делам или за кофе, и мое лицо такое же, возможно, даже более серое, и сердце у меня серое, потому что мир не делится на черное и белое

он серый.

мы - материал, мы гипс

она нами будет лепестки роз целовать в райском саду

она нами будет львов по спине гладить

она нами в воды чистые войдет и затвердеет кожа ее от прохлады и засмеется нами она

а ты стоишь тут зенки выпучила, ступай, говорю в туннель

Мать: молча выходит в центр площади

Мать говорит: «Пойдемте со мной» и мертвецы, хаотично бродившие до этого вдоль урн, не зная, что делать, идут за ней.

Мать приводит всех к змеиному тоннелю и говорит: «Ждите меня»

Мать входит в темный тоннель, тоннель на самом деле уроборос, вечность назад укусивший себя за хвост и пожевывающий его теперь, поэтому потолки и стены ходят волнами и устоять сложно.

Мать движется в самый вверх, хватаясь руками за сталактиты и сталагмиты, которыми обросли внутренности уробороса, за хрящи и хребтовые кости уробороса. Мать оказывается внутри широкой пасти и видит, как зубы, что больше, чем она во весь рост, смыкаются и размыкаются. Мать считает и понимает, что у нее есть тридцать секунд и прорезь возле клыка, в которую нужно проникнуть.

Мать чувствует схватки и сгорбившись подходит вплотную к прорези. Мать дожидается, когда челюсть вновь широко открывается и выходит наружу.

Потому что тридцать секунд это очень много.

Жители города мертвых стоят и ждут, а потом слышат крик, первый крик младенца, он доносится из змеиного тоннеля, но как будто издалека.

Жители города мертвых стоят и ждут, ведь им велено было ждать. И слышат иногда смех, чистый детский смех и нежный женский смех.

Жители города мертвых стоят и ждут, ведь им велено было ждать.

К жителям города мертвых вернулась мертвая вечность. Времени больше нет, значит и помнить не о чем, они стоят и ждут, сами не зная, чего, в мертвой вечности трутся друг об друга телами.

Иногда они слышат смех и слова.

Издалека.

Конец.

Пьеса написана в рамках лаборатории Центра белорусской драматургии, 2022.